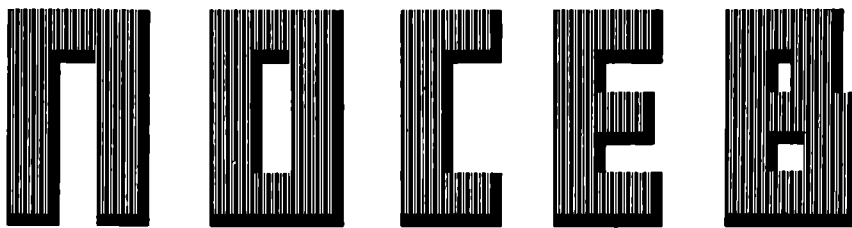

ГОД ИЗДАНИЯ XVIII
№ 19 (834)ВОСКРЕСЕНЬЕ
13 МАЯ 1962ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Wochenzeitung 18 - Nr. 19 (834)

Russische Wochenzeitung POSSEV - DIE AUSSAAT - 6 Frankfurt am Main 1, Postfach 2786

Sonntag, 13. 5. 1962

РОССИЙСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ составляют все, кто ставят своей целью революционное (вержение коммунистической власти и идут к этой цели путем одиночных борьбы и организуются в кружки, группы, объединения). Ф НТС — НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ (российских социалистов) обладает революционной идеологией и стратегией, ведет революционную борьбу и тем способствует росту и организованности российского революционного движения. О «ПОСЕВ» отражает и развивает идеи солидарности, борется за осуществление политических стремлений российского революционного движения и издается при активной содействии НТС.

Со сталинщиной покончит только революция!

Уже во время последней сессии Верховного совета СССР были явные признаки того, что И. В. Спирidonов, снятый с поста секретаря ЦК КПСС, не удержится и на посту первого секретаря Ленинградского обкома. (Мы об этом писали в прошлом номере «Посева» от 6 мая).

1 мая Спирidonов еще присутствовал на первомайских торжествах в Ленинграде и в отчете «Правды» об этих торжествах как первого секретаря Ленинградского обкома.

Из опубликованного в «Правде» от 4 мая сообщения видно, что Спирidonов был снят с поста первого секретаря Ленинградского обкома на пленуме обкома, состоявшемся 3 мая. Снимать Спирidonова ездил в Ленинград сам Хрущев, что указывает на то, что руководство КПСС придало этому делу чрезвычайно важное значение. Учитывая популярность Спирidonова как рыцаря разоблачителя сталинщины, оно, видимо, боялось опасного возбуждения в Ленинграде и осложнений на самом пленуме.

Есть указания на то, что возбуждение в населении Ленинграда, в связи с вестью о снятии Спирidonова, было. Особенно бурно оно проявилось на крупнейшем предприятии Ленинграда — Балтийском заводе судостроения, куда «успокаивать» рабочих поехал Хрущев. Он привез с собой Спирidonова, чтобы показать, что с ним лично ничего не случилось и что он не репрессирован, а назначен на почетную должность председателя Совета Союза Верховного совета СССР. «Правда», однако, сообщила только о том, что Хрущев посетил Балтийский завод по случаю отпуска танкера «Улан-Батор». На опубликованном в «Правде» от 4 мая снимке митинга рабочих Балтийского завода, на котором выступал Хрущев, толпы рабочих стоят с опущенными руками в то время, как Хрущев машет им шляпой. Снимок искусственно «смазан», чтобы не было видно выражения лиц рабочих.

Иллюзии всегда сладки. И после XIII съезда были в стране люди, особенно среди «реформистской» интеллигенции, которые надеялись, что коммунистические насильники над народом, над человеческим духом и естественным правом личности одумались, покаленились и теперь все пойдет по-другому.

Иллюзии навевали и пышные словеса новой программы партии о «демократизациях». Но уже очень скоро стало обна-

руживаться, что перемещение трупа Сталина из мраморного величественного мавзолея под землю еще ничего не значило. Власть, испугавшись начавшейся в народе переоценки ценностей, цепляясь за свое существование, превратила борьбу с «культом личности» в фальшивое действо, в отвратительный фарс. Не только не были посажены на скамью подсудимых сталинские «соратники», у которых руки по локоть в крови, но один из них — К. Ворошилов — избран в депутаты Верховного совета и даже в члены его президиума. Это уже наглядный вызов народу!

Руководители КПСС начали на все лады изошряться в «доказательствах», что «культ личности» никак не повредил самое существо «советского общества», и угрожать тем, кто думает иначе, кто требует последовательного, до конца, выкорчевывания сталинщины из сегодняшней практики компартии и «социалистического государства».

Как пророчески звучат слова писателя М. А. Нарича в его обличительном письме Хрущеву, написанном еще за год до балагана XXII съезда:

«Кто-то из вас говорил, что нам нужны свои щедрин и гоголи. Это пустые слова! Вы сами недавно ратовали за «лакировщиков». Я понял Ваши слова так: не ваше, мол, дело, писатели, совать свой нос в наши

ставлены чрезвычайные государственные органы и парторги. Вот оно какое дальнейшее развитие «общественных форм», «колхозной демократии», возмещенное новой программой партии!

Посыпались указы, расширяющие применение смертной казни. Хрущев на съезде комсомола договорился уже до того, что, мол, не обязательно устанавливать факт совершения преступления — можно сажать людей в тюрьму, конфисковывать их имущество и без того...

Трудно залезть в душу человека, и мы не знаем личные побуждения Спирidonова, которые привели его к конфликту с остальными членами высшего партийного руководства. Возможно, в этом конфликте проявилось разное понимание того, что надо делать, чтобы спасти коммунистическую власть: Спирidonов ищет этого спасения на путях уступок, остальные — за сохранение сталинских институтов.

Недолгий опыт после XXII съезда рушит иллюзии у всех, у кого они были: ожидать какого-то просвещенного образа правления со стороны тиранов, развращенных абсолютной властью, по уши погрязших в преступлениях и испытывающих животный страх перед грядущим возмездием, — не приходится.

Сталинщина — это коммунистическая система угнетения, надругательства над человеком, его достоинством и правами.

Всякая коммунистическая система, со Сталиным или без него, — сталинщина.

Со сталинщиной покончит нарастающее у каждого честного патриота чувство ответственности за судьбы родной страны, родного народа. Это чувство повелевает мобилизовать усилия в борьбе, в наступлении на власть. Она сейчас не столь мощна, как раньше: барахтанье в тупиках, перманентные внутренние кризисы ее обесценивают. Она боится народа. Народ может ее сокрушить!

ТЕЛЕГРАММА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ХРУЩЕВУ ПО ДЕЛУ М. А. НАРИЧА

Брюссель, 3 мая. Высший управительный орган Международного объединения писателей — ПЭН-клуба — на своем ежемесячном заседании рассматривал дело об аресте русского писателя Михаила Александровича Нарича и сделал следующее сообщение для печати:

«Международное правление ПЭН-клуба, заседавшая в Брюсселе, поручило своему Постоянному комитету по делам находящихся в заключении писателей послать Н. Хрущеву телеграмму, прося об освобождении русского писателя и скульптора М. Нарича. Телеграмма призвала к милосердию по отношению к человеку, который уже подвергался преследованиям, и отмечала, что в подавляющем большинстве цивилизованных стран, конечно, не является правонарушением со стороны писателя послать за границу и опубликовать там свой труд, если он не может этого сделать в своей стране».

*

Председателем Постоянного комитета ПЭН-клуба по делам находящихся в заключении писателей является председатель международного правления ПЭН-клуба, голландский писатель Виктор ван Вриколанд.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

- ♦ Клаус Менерт. Мужество открыто говорить правду
- ♦ С. Кирсанов. «Дерут, а толку нет»
- ♦ Я. Темкин. Уймись, сомнения!
- ♦ А. Аркадьев. Как Ленин помог Мартову бежать за границу
- ♦ Аксель Дилеяский. В поезде по Советскому Союзу
- ♦ Свяц. Фотиев. Очередной ренегат и его «аргументы»
- ♦ А. Колин. Политическая мозаика
- ♦ Михаил Балмашев. Каждый ответствен
- ♦ А. Н. Перед новым обострением?

По нашей стране

В милицию стреляют...

В милицию стреляют, дружинники бьют... «Соблазнами» подобного рода пестрят страницы центральных газет.

«Известия» от 5 мая сообщают о кровавом сражении в Эстонии, на горе «Калевашской Сянг», где «по исторически сложившейся традиции», происходили массовые празднества.

«Примерно в час ночи, — пишет газета, — в разгар гуляний, младший сержант милиции А. Д. Мустия услышал крик и понял, что это старший лейтенант Л. С. Трубизин зовет на помощь. Когда Мустия прибегал на гору, то увидел Трубизина, окруженного хулиганами. Он лежал на земле — его топтали ногами. Заметив приближение милиционера, хулиганы стали раскочевываться, как будто ничего особенного не случилось.

Милиционеры бросились вслед. Хулиганов надо было задержать во что бы то ни стало. Но братья Нообель и другие тут же направились на милицейских работников. Трубизину удалось изловчиться и выстрелить вверх. Предупреждения не подействовали. Теперь хулиганы пытались овладеть оружием. Во время борьбы произошел второй выстрел, и пуля смертельно ранила одного из хулиганов».

Газета горько сетует, что засудили не «хулиганов», а «честных и добросовестных работников милиции Трубизина и Мустия» и сообщает, что «случаи подобного рода не так уж редки».

«Комсомольская правда» от 25 апреля описывает убийство сержанта милиции Николая Свиридова:

«Ночь была теплой и безветренной. Николай Свиридов, сержант Кушумунского линейного отделения милиции, возвращался после смены домой. Вдруг он заметил у здания электростанции четверых людей. Они оторвались шли, сбиваясь под тяжестью мешков.

— Стойте! Предъявите документы.

Двое выстрелили в Свиридова в упор. Двое других начали наносить удары ножом. Облившись кровью, Николай упал...

Преступники были задержаны. Следствие установило, что в эту ночь они совершили крупную кражу. Кустанайский областной суд трех убийц приговорил к расстрелу. Четвертого, как несовершеннолетнего, — к десяти годам лишения свободы. Верховный суд Казахской ССР утвердил решение областного суда.

...Указом Президиума Верховного совета СССР за проявленное мужество и отвагу при задержании опасных преступников милиционер комсомолец Николай Свиридов посмертно награжден орденом Красной Звезды».

«Правда» от 8 апреля писала о нападениях на дружинника — инженера механико-ремонтной конторы «Ставропольнефтегазразведка» в г. Невинномысское Бориса Жикимово, которому были нанесены ножевые ранения. «Правда» не назвала имя нападавшего, хотя и сообщила, что он задержан.

«Известия» от 5 апреля в корреспонденции из Ленинграда «Своя рубашка...» сообщили о нескольких случаях нападения на милицию. В лесу близ станции Колпино группа людей напала на милиционера Дубина. Жизнь милиционера была спасена будто бы подоспевшим на выручку дружинником с завода «Большевик» М. Веретехиным.

Несколько раньше в самом Веретехина в Отрадном на финляндской дороге

пытался стрелять из берданки лесник Юрий Журавлев, Веретехину, по описанию газеты, удалось изловчиться, выбить из рук Журавлева ружье, а самого его прикрутить к дереву. Журавлев, по сообщению газеты, расстрелян по приговору суда.

В том же Колпино, недалеко от станции, в кустах, трое душили старшину милиции, фамилии ни назвавших, ни старшины милиции не сообщаются.

Интересно, что возмущение против дружинников проявляется не только в населении, но и среди советских должностных лиц. «Комсомольская правда» от 8 апреля писала в корреспонденции из Ярославской области:

«Милиция Гаврилов-Яма поручила отряд (оперативный отряд содействия милиции при райкоме комсомола. — Ред.) повести борьбу с мелкими хищениями на предприятиях. С этой целью ребята провели рейды на хлебозаводе, фабрике «Сухие», оптовой базе, в ресторане.

Оттуда не замедлили откланиваться. Первым — директор ресторана А. А. Ютанов.

— Вы знаете, что у нас происходит? — возмущенно докладывал он прокурору. — Молокососы останавливают вечером после смены моих сотрудников. Это где видано? Честных людей оскорбляют...

...Буде активнее директор ресторана пригласил «на защиту» своих работников начальник торгорта А. Т. Ларионов. Не успел отряд после рейда на мелкооптовую базу вернуться в милицию, а Ларионов уже звонил Заболотскому.

— Вы не имеете права! Черт знает, что творится у вас, — бушевала трубка».

Характерен сам факт утаивания в стране вооруженных столкновений с представителями власти.

Обычно партийные газеты на всех, вступающих в схватки с милицией и дружинниками, стандартно наклеивала ярлык «хулиганов».

Конечно, в ряде случаев милиция и дружинники обороняются от хулиганов, воров, насильников. Но в основном и главным делом обстоит гораздо глубже.

Интересно, что теперь уже сама советская печать, как видно из описанного выше, многое недоговаривает, многое замалчивает. А упоминавшийся выше ленинградский дружинник Михаил Веретехин сделал и чрезвычайно ценное признание. Он оказал своему собеседнику — корреспонденту «Известий»:

«Ведь мы очень часто имеем дело не с хулиганами, а с обыкновенными парнями. Но с такими, у которых, как говорится, небольшое заикание есть. Воспитанием их занимаемся».

Вот эта борьба с «заиканием» — с «опасными мыслями», непрошенное и пагубное вмешательство милиции и дружинников в личную жизнь людей с целью «перевоспитания», творимый коммунистической опричнинею произвол и служит главной причиной разрывавшейся в стране малой «справадливой войны».

Власть нервничает. Хрущев на последнем съезде комсомола заявил, что милиция будет дано право стрелять в «неподчиняющихся», не отвечающих за последствия, и призывал хватать даже и «непойманых» (т. е. прямо не уличенных в преступлениях). Противная сторона, видимо, одолевает из этого провозглашения произвола свои выводы.

ядерных испытаний под международным контролем.

● Веседа Ульбрихта с Сатюковым и Аджукем. В «Правде» от 7 мая опубликованы ответы Ульбрихта на вопросы главного редактора «Правды» Сатюкова и главного редактора «Известий» Аджуке, посетивших в начале мая Восточный Берлин. Похоже на то, что Сатюков и Аджуке и саму эту поездку — совершили только ради этого интервью, которому отводятся некая роль в ведущей ныне руководством КПСС игре на международной арене (советско-американские «контакты»).

Ульбрихт в своих ответах заодно пелушится, заявляя, что «ГДР» не потерпит никакого нарушения ее суверенитета и нацпо децентралирует, что «Воссоединение Германии» возможно только в результате победы социализма в Германской Демократической Республике». Вместе с тем он соглашается на создание международного арбитражного органа для путей сообщения, связывающих Западный Берлин с внешним миром, оговаривая, однако, что, во-первых, «предпосылкой для такого шага с нашей стороны должно быть соответствующее изменение статуса Западного Берлина» («не может быть и речи о том, чтобы обеспечить доступ к военной базе НАТО в Западный Берлин» — сказал он в другом месте); во-вторых — «предложения некоторых западных газет о том, чтобы практически передать международному органу право распоряжаться важными коммуникациями ГДР», он, Ульбрихт, «конечно», не может принять всерьез.

Ульбрихт распространялся о том, что Западный Берлин «находится на территории ГДР» (каким образом Западный Берлин находится на территории «ГДР», когда эта территория никогда «ГДР» не принадлежала — Ульбрихт не пояснил), что Западный Берлин никаких прав на Западный Берлин не имеет (почему же «ГДР» имеет права на Восточный Берлин?).

В одном из своих вопросов Сатюков и Аджуке, сходявшие перед этим к пограничным переходам, передали свои смешотворные «наблюдения», что «на стороне столицы «ГДР» царит полное спокойствие и порядок, на той стороне, в Западном Берлине, — нервность и напряженность. «Мы видели военные машины, автобусы с военнослужащими и туристами и скопления зевак». Это нечто новое: туристы и скопления зевак, по Сатюкову и Аджуке, — это напряжение, приближавшееся к роковому прадусу...

● Хрущев совершил «хождение в народ». 29 апреля Хрущев и Косыгин посетили комбинат искусственного волокна в городе Клине в Московской области. Если не считать мимолетного посещения Хрущевым Курска при возвращении из Сочи и его появления на официальных заседаниях в Кремле, то это, в сущности, был первый выход Хрущева в народ после 12 января, когда, по упорно циркулирующим в стране слухам, на него в Минске было совершено покушение.

Хрущев «побывал в рабочей столовой» комбината, от чего в скудном питании рабочих, конечно, не прибавилось ни одного калория.

«В беседе, состоявшейся после осмотра цехов», Хрущев предался своей обычной мановщине: «поркомендовал руководителю предприятия расширить производство, увеличить выпуск волокна». Затем он сделал открытие, что «наряду с новым имеется еще много устаревшего оборудования. Нужно заменять его современным, совершенным, посоветовал он».

Были бы у предприятия настоящие хозяева, они и без употребления бормотания Хрущева давно бы сделали все, что надо для развития предприятия и улучшения продукции. Сегодня же они должны удовлетворяться хрущевскими изречениями насчет того, что лошади кушают овес и сено...

● 50-летию «Правды». 5 мая с большим шумом отмечено 50-летие газеты «Правда». Указом Президиума Верховного совета СССР «Правда» награждена ор-

деном Ленина. Орденами и медалями награждены 2.983 работника печати, радио, телевидения, издательства и типографий. ЦК КПСС обратился в «Правду» всем работникам советской печати в специальном приветствии. Типографа «Правды», которая носила имя Стали, присвоено имя Ленина. 5 мая в Красном дворце съездов состоялось торжественное заседание, которое открыл авторитетной речью Хрущев. С докладом 50-летию «Правды» выступил главный редактор газеты П. Сатюков.

Обо всем говорили в дни юбилея. Начали только о том, что «Правда» на протяжении четверти века была главой «кулаком» «культуры личности» и лавиала (особенно в годы ежовщины) тысячи и тысячи людей.

● Новые маршалы. Новое воинское звание «адмирал флота». Указом Президиума Верховного совета СССР в 28 апреля присвоены воинские звания маршала Советского Союза — командующему Московским военным округом генералу армии Н. И. Крылову, главному маршалу бронетанковых войск — маршалу бронетанковых войск П. И. Ротмистрову; маршалу авиации — генерал-полковнику авиации Ф. А. Алафьеву; маршалу артиллерии — генерал-полковнику артиллерии К. П. Казаку; маршалу бронетанковых войск — генерал-полковнику танковых войск П. И. Полубоярову.

Указом от того же 28 апреля «за проявленное воинские заслуги» Военно-морского флота СССР в полное соответствие с воинскими званиями Советской Армии» установлено воинское звание «адмирал флота», которое присвоено главнокомандующему военно-морским флотом СССР адмиралу С. Г. Горшкову. Остается ли воинское звание «адмирал» — неизвестно.

Либыонство, что в свое время звание «адмирал флота» существовало и на его сталинский клеврет Кузнецов, бесследно исчезнувший после XXII съезда. Когда и как оно перестало существовать — покрыто мраком неизвестности.

Согласно разъяснению в Указе, воинское звание «адмирал флота» равно по силе лишь званию маршала рода войск. Даже не главного маршала. Что значащая эта эквивалентность с адмиралом званием — разоблачить не легко.

● Союзный комитет по сельскому хозяйству. В соответствии с постановлением мартовского пленума ЦК КПСС Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР образовали Союзный комитет по сельскому хозяйству. Председателем комитета назначен Н. Г. Игнатов, являющийся одновременно заместителем председателя Совета министров СССР; председателем Государственного комитета заготовок Советов министров СССР Члены Комитета назначены: В. И. Игнатов — заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС по союзным республикам, Л. Р. Корнеев — первый заместитель председателя Государственного комитета заготовок Советов министров СССР — министр СССР, К. Г. Лисица — министр сельского хозяйства СССР, П. С. Кучумов — председатель Всесоюзного объединения Советов министров СССР «Союзсельхозтехника», Н. П. Гуев — заместитель председателя Госплана СССР, С. М. Тихомиров — заместитель председателя Госэкономсовета СССР.

● Запуск новых спутников. «Космос-3» приземлился. 24 апреля с территории нашей страны, для продолжения исследований космического пространства в ответствии с программой, объявленной ТАСС 16 марта с. г., был запущен спутник «Космос-3». Его период обращения вокруг Земли — 93,8 минуты, максимальное удаление от поверхности Земли 11 км, минимальное — 229 км. 26 апреля той же целью был запущен спутник «Космос-4» с периодом обращения 90,6 км. с апогеем 330 км. и перигеем 298 км. Через три дня, 29 апреля, спутник «Космос-4», согласно сообщению ТАСС, приземлился по команде с Земли «в заданном месте на территории Советского Союза».

В Москве распространился слух, что попытка приземлить предыдущие спутники окончилась неудачей.

ЗА НЕДЕЛЮ

● Предстоящая поездка Хрущева в Болгарию. Согласно официальному сообщению, опубликованному в «Правде» от 7 мая, по приглашению ЦК ВКП «и правительства Народной Республики Болгарии» Хрущев во главе партийно-правительственной делегации прибывает в Болгарию в середине мая.

● Советское правительство возобновляет ядерные испытания? 8 мая московское радио в передаче для Японии заявило, что советское правительство решило начать новую серию термоядерных испытаний. Радио ссылается при этом на

испытания ядерных бомб в атмосфере, которые проводят американцы в районе Тихого океана. Эти американские испытания вынуждают до Советский Союз в свою очередь прибегнуть к термоядерным испытаниям, чтобы не отстать в военной технике. Между тем американские испытания являются прямым следствием возобновления ядерных взрывов советским руководством осенью прошлого года и отказа советского правительства подписать соглашение о запрещении

Кlaus Менерт

Мужество открыто говорить правду

Как сообщалось на пресс-конференции журнала «Грани» в Париже, западногерманские туристы, которым писатель М. А. Нарцисс вручил рукопись своей повести «Неспетая песня», передали ее известному немецкому журналисту и писателю, автору книги «Советский человек», неоднократно посещавшему после войны Советский Союз, К. Менерту.

Нижне мы перепечатаем из западногерманского еженедельника «Христ унд вельт» от 4 мая с. г. статью К. Менерта, посвященную делу М. А. Нарцисса в связи с предстоящим выходом повести «Неспетая песня» на немецком языке. Книга выйдет в издательстве «Дейче ферлаг-аштальт» в конце мая с. г. Статья К. Менерта в «Христ унд вельт» напечатана под заголовком «Неспетая песня».

Некоторое время тому назад два немецких туриста из ГФР гуляли вдоль реки и к ним, в потоке людей, подошел мужчина лет пятидесяти. Узнав, что туристы из Западной Германии, он сунул им пакет, а сам исчез в толпе. В отеле туристы установили, что им передала русская рукопись на шестидесяти семи языках, густо исписанных на машинке с ошибками. На конверте была от руки написана на нескольких языках просьба: «Послать рукопись за границу или, если это не согласится или невозможно, — уничтожить ее».

Туристы решили взять рукопись с собой и она, в конце концов, попала в одно русское издательство в ГФР, которое ее напечатало под вымышленным именем; но была повесть о сталинщине.

На рукописи, как ни странно, были написаны фамилия и адрес: Михаил Александрович Нарцисс, Ленинград, улица Фрунзе 23, четвертый этаж, квартира 173. На этот адрес никто не обращал сперва внимания, так как никому не могло прийти в голову, что автор тайно вывезенной рукописи мог сообщить свой настоящий адрес. Но один из читателей романа, заинтересовавшись автором, взял у издательства адрес перед тем, как совершить туристическую поездку по Советскому Союзу. В Ленинграде он пошел на улицу Фрунзе 23, в квартиру 173. На двери было несколько табличек с фамилиями. На одной из них значилось: «Нарцисс. Звонить один раз».

Он позвонил и ему открыла женщина лет пятидесяти, оказавшаяся госпожой Нарцисс, женой автора рукописи. Самого Нарцисса не было дома: его забрали 1 октября 1961 года (по-видимому описка: Нарцисс был арестован 13 октября 1961 года. — Прим. переводчика) — не впервые, как выяснилось из дальнейшей истории. Посетитель узнал от жены, что «Неспетая песня» — это жизнь ее мужа, ее самой и их семьи в романзированной форме, с той разницей, что повесть заканчивается во Второй мировой войне, между тем как жизнь автора течет дальше. История героя повести Антона до 1941 года — в главных чертах — история Михаила Нарцисса.

Антон потерял отца — как и автор — в молодости. Он переселился в город, вначале был увлечен идеями коммунизма и поступил в комсомол. Но его вера пошла, когда он увидел бесчеловечное проведение в жизнь идеи, в которую он верил, в особенности после того, как стал свидетелем случившегося с крестьянами в своей родной деревне, когда Сталин принес в село классовую борьбу и коллективизацию. Между тем герой поступил в Ленинградскую художественную школу и сделался в повести художником, в действительности — скульптором. Он женился; Лидя — героиня его повести — открыла дверь туристу, постукавшему в квартиру 173. В самом начале супружеского счастья, незадолго до рождения первого ребенка, все внезапно было прервано — злодейский стук в дверь в расвете, обыск, арест, приговор к пяти годам концлагеря за Полярным Кругом, якобы за заговор против советской власти. В начале войны Нарцисс направлен в штрафной батальон. Болезнь. Дебилизация. После войны — во время последней волны сталинского террора — снова арест, высылка на поселение в Карагандинский каменноугольный бассейн в Западной Сибири. Наконец, через четыре года после смерти Сталина, — амнистия и реабилитация. Возвращение в Ленинград.

После всего, что ему пришлось пережить, Нарцисс мечтал об одном: участвовать в очистке атмосферы постсталинской России и открыто рассказать о том, что происходило в сталинские времена —

для того, чтобы это никогда не повторилось. И он писал. Но контролируемые партийной издательством отказались печатать его произведение. Тогда у него зародилась идея: передать то, что он хотел сказать, на свободный Запад, туда, где его повесть опубликуют.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА УВЕНЧАЛАСЬ УСПЕХОМ

В 1960 году рукопись была закончена. Он искал случая передать ее за границу. Будучи художником, он часто видел, как водят иностранцев во Эрмитаж — всемирно известной картинной галерее царских времен. Однажды он смелся с группой туристов и попытался передать конверт одной француженке. Та испугалась. Вымешалась милиция, Нарцисс был арестован. Но у француженки хватило мужества заявить, что она его не знает, и Нарцисс отпустили.

Удалась вторая попытка — на набережной Невы.

После того, как прошло достаточно времени с момента передачи рукописи немецким туристам, Нарцисс решил, что план его удался. То, что он сделал после этого, разясняет смелость, с которой он написал свою фамилию и адрес на рукописи: Нарцисс послал копию переправленной за границу рукописи Хрущеву, вместе с письмом, копию которого жена Нарцисса передала маюстратному посетителю и, таким образом, его содержание стало известным на Западе. Следовательно, для Нарцисса не было достаточно сознания, что его повесть находится в сохранности за границей: он хотел сказать об этом открыто и потому сообщил Хрущеву об отправке оригинала рукописи за границу, потому что в Советском Союзе он не смог ее опубликовать.

Когда Нарцисс писал в своем письме Первому секретарю: «Вам будет трудно обвинить меня в клевете на советскую действительность», то он был прав. В его повести нет ненависти и кричащих красок; он говорит не столько о самом режиме, сколько о страданиях обыкновенного человека под этим режимом, человека, хотящего жить честно, любить свою жену и своих детей, занимаясь своим ремеслом и все-таки, как и миллионы его соотечественников, попадающего в безжалостную политическую мельницу, которая истязает невинного, но — и это важнее всего — не может его сломить.

После того, как Нарцисс послал письмо и рукопись Хрущеву, сначала ничего не

произошло, так как бюрократические мельницы работают медленно. Но в конце-концов его письмо было рассмотрено и Нарцисс — в третий раз — попал в тюрьму. Но в чем может советский суд обвинить Нарцисса? Он не нарушил ни одного советского закона, так как нигде не указано, что рукописи нельзя посылать за границу. А написано Нарцисс о сталинском периоде гораздо меньше того, что во время десталинизации сказано о терроре тех лет самим Хрущевым. Хрущев находится в преемственном положении: он обвиняет Сталина в чудовищных преступлениях и приказывает удалить его труд из мавзолея; но если о сталинских злодеяниях пишет кто-то другой, он приказывает его арестовать.

МУЖЕСТВЕННЫЕ ВСЕ ЕЩЕ СУЩЕСТВУЮТ

Какова бы ни была судьба Нарцисса, он ее перенесет, потому что он сам пошел на это. Его поддерживает сознание, что жена одобряет его решение — она сообщила ему в тюрьме, что мечта его жизни осуществилась: его рукопись за границей; она опубликована. Рукопись опубликована сначала по-русски, но вскоре выйдет на немецком и других языках.

Случай Нарцисса показывает нам, что сегодня в Советском Союзе среди тех, кто были детьми революции — Нарцисс был восемь лет, когда Ленин пришел к власти — и вначале служили идее коммунизма, есть люди, не только отрицающие режим, но имеющие мужество говорить правду открыто и брать на себя последствия — и это через четыре с половиной десятилетия после победы большевизма.

Выкрутасы Хрущева

*

О ЕГО БЕСЕДЕ С АМЕРИКАНСКИМ ИЗДАТЕЛЕМ Г. КОУЛСОМ

В беседе Хрущева с американским издателем Г. Коулсом (о которой кратко сообщалось в прошлом номере «Посева») начались с вопроса Коулса: оптимистичен ли Хрущев в отношении ныне ведущихся в Женеве переговоров? Хрущев на вопрос не ответил, но длинно распиротрапился на тему: «мы — коммунисты, а все подлинно коммунисты — против захватнических войн». Жаль, что собеседник Хрущева не напомнил ему судьбу стран Восточной Европы, которые — по странному совпадению — воспылали любовью к «социалистической революции» лишь после того, как в Варшаве, Софии, Будапеште, Бухаресте, Праге заговорили штыки Советской Армии.

Хрущев, как обычно, развел свою «классовую» демасию о том, что народы повернут свое оружие против империалистов, «точно так же, как это сделали мы в 1917 году».

Коулс все-таки сделал попытку держаться ближе к теме и задал вопрос о контроле — главным камнем преткновения в происходящих переговорах. Коулс спросил: видит ли Хрущев разницу между инспекцией и проверкой? И пояснил, что проверка предпринималась бы лишь в том случае, если произошло какое-то явление, о котором компетентный международный орган высказал бы предположение, что это является ядерным взрывом.

Хрущев глубококомысленно ответил: «Есть разница, но небольшая, больше словесная, чем по существу». А несколько ниже добавил: «я не вижу большой разницы между проверкой, инспекцией и разведкой». Эта чудовищная белоберда маньяка, увы, не встретила никакого возражения со стороны вежливого собеседника. Если любая инспекция, любой контроль — это разведка, то о чем же вообще можно разговаривать? К сожалению, не парировал Коулс и другое утверждение Хрущева — о том, что достаточно национальных средств обнаружения могущих быть ядерных взрывов. Что толку из того, что западные державы своими национальными средствами обнаружат произведенный в СССР ядерный взрыв? Ведь ясно, что тот же Хрущев сейчас же отпорится: я не я и лошадь не моя. Все это — империалистическая клевета.

На вопрос о германской проблеме и происходивших ныне советско-американских контактах Хрущев заявил, что «есть некоторые проблемы, дающие напряженность Невы. После того, как прошло достаточно времени с момента передачи рукописи немецким туристам, Нарцисс решил, что план его удался. То, что он сделал после этого, разясняет смелость, с которой он написал свою фамилию и адрес на рукописи: Нарцисс послал копию переправленной за границу рукописи Хрущеву, вместе с письмом, копию которого жена Нарцисса передала маюстратному посетителю и, таким образом, его содержание стало известным на Западе. Следовательно, для Нарцисса не было достаточно сознания, что его повесть находится в сохранности за границей: он хотел сказать об этом открыто и потому сообщил Хрущеву об отправке оригинала рукописи за границу, потому что в Советском Союзе он не смог ее опубликовать.

Когда Нарцисс писал в своем письме Первому секретарю: «Вам будет трудно обвинить меня в клевете на советскую действительность», то он был прав. В его повести нет ненависти и кричащих красок; он говорит не столько о самом режиме, сколько о страданиях обыкновенного человека под этим режимом, человека, хотящего жить честно, любить свою жену и своих детей, занимаясь своим ремеслом и все-таки, как и миллионы его соотечественников, попадающего в безжалостную политическую мельницу, которая истязает невинного, но — и это важнее всего — не может его сломить.

После того, как Нарцисс послал письмо и рукопись Хрущеву, сначала ничего не произошло, так как бюрократические мельницы работают медленно. Но в конце-концов его письмо было рассмотрено и Нарцисс — в третий раз — попал в тюрьму. Но в чем может советский суд обвинить Нарцисса? Он не нарушил ни одного советского закона, так как нигде не указано, что рукописи нельзя посылать за границу. А написано Нарцисс о сталинском периоде гораздо меньше того, что во время десталинизации сказано о терроре тех лет самим Хрущевым. Хрущев находится в преемственном положении: он обвиняет Сталина в чудовищных преступлениях и приказывает удалить его труд из мавзолея; но если о сталинских злодеяниях пишет кто-то другой, он приказывает его арестовать.

Какова бы ни была судьба Нарцисса, он ее перенесет, потому что он сам пошел на это. Его поддерживает сознание, что жена одобряет его решение — она сообщила ему в тюрьме, что мечта его жизни осуществилась: его рукопись за границей; она опубликована. Рукопись опубликована сначала по-русски, но вскоре выйдет на немецком и других языках.

Случай Нарцисса показывает нам, что сегодня в Советском Союзе среди тех, кто были детьми революции — Нарцисс был восемь лет, когда Ленин пришел к власти — и вначале служили идее коммунизма, есть люди, не только отрицающие режим, но имеющие мужество говорить правду открыто и брать на себя последствия — и это через четыре с половиной десятилетия после победы большевизма.

Каков был бы ответ Хрущева на вопрос Коулса: оптимистичен ли Хрущев в отношении ныне ведущихся в Женеве переговоров? Хрущев на вопрос не ответил, но длинно распиротрапился на тему: «мы — коммунисты, а все подлинно коммунисты — против захватнических войн».

Хрущев, как обычно, развел свою «классовую» демасию о том, что народы повернут свое оружие против империалистов, «точно так же, как это сделали мы в 1917 году».

Коулс все-таки сделал попытку держаться ближе к теме и задал вопрос о контроле — главным камнем преткновения в происходящих переговорах. Коулс спросил: видит ли Хрущев разницу между инспекцией и проверкой? И пояснил, что проверка предпринималась бы лишь в том случае, если произошло какое-то явление, о котором компетентный международный орган высказал бы предположение, что это является ядерным взрывом.

Хрущев глубококомысленно ответил: «Есть разница, но небольшая, больше словесная, чем по существу». А несколько ниже добавил: «я не вижу большой разницы между проверкой, инспекцией и разведкой».

Эта чудовищная белоберда маньяка, увы, не встретила никакого возражения со стороны вежливого собеседника. Если любая инспекция, любой контроль — это разведка, то о чем же вообще можно разговаривать? К сожалению, не парировал Коулс и другое утверждение Хрущева — о том, что достаточно национальных средств обнаружения могущих быть ядерных взрывов. Что толку из того, что западные державы своими национальными средствами обнаружат произведенный в СССР ядерный взрыв? Ведь ясно, что тот же Хрущев сейчас же отпорится: я не я и лошадь не моя. Все это — империалистическая клевета.

На вопрос о германской проблеме и происходивших ныне советско-американских контактах Хрущев заявил, что «есть некоторые проблемы, дающие напряженность Невы. После того, как прошло достаточно времени с момента передачи рукописи немецким туристам, Нарцисс решил, что план его удался. То, что он сделал после этого, разясняет смелость, с которой он написал свою фамилию и адрес на рукописи: Нарцисс послал копию переправленной за границу рукописи Хрущеву, вместе с письмом, копию которого жена Нарцисса передала маюстратному посетителю и, таким образом, его содержание стало известным на Западе. Следовательно, для Нарцисса не было достаточно сознания, что его повесть находится в сохранности за границей: он хотел сказать об этом открыто и потому сообщил Хрущеву об отправке оригинала рукописи за границу, потому что в Советском Союзе он не смог ее опубликовать.

Каждый ответствен

«Во всем мне хочется дойти
До самой сути, —
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте».

Борис Пастернак.

Съезды, пленумы, собрания, совещания, смотр...

Только успел закончиться в конце марта третий всесоюзный съезд композиторов, как начался в первых числах апреля IV съезд профсоюза работников культуры. Вслед за ним — смотр кукольных театров в три тура, приуроченный к юбилею пионерской организации. Почти одновременно Союз художников СССР созвал совещание по эстетическому воспитанию молодежи и в эти дни начался подготовка ко второму всесоюзному съезду художников.

Это — в показательно-фанфарном оформлении. А сколько создается не в столь парадном оформлении собраний, совещаний, заседаний...

И ведь все в своем конечном закреплении сводится к клатвенной ярности партии и песнопениям в адрес ЦК.

IV съезд профсоюза работников культуры заверяет ленинский Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, что профсоюзные организации и все работники культуры и искусства отдадут свои силы и знания на претворение в жизнь исторических решений съезда и новой программы КПСС...

Претий Всесоюзный съезд композиторов СССР заверяет Центральный Комитет, что советские музыканты оправдают доверие партии и отдадут все свои силы, способности и знания строительству музыкальной культуры коммунизма.

Мудрые предначертания XXII съезда Коммунистической партии вдохновляют нас...

И так далее и тому подобное. Все этой же тональности, в том же музыкальном ключе, — как резолюции, так и все выступления участников подобных съездов и собраний.

Лейтмотив высокопарно-трескучих выступлений мало чем отличается от выступлений во времена Сталина. Но почти каждый из выступающих старается всю вину за лагерь в искусстве, за шаблонность и сусальность свалить исключительно на... культ личности Сталина.

На съезде композиторов Т. Н. Хренников в своем многочасовом докладе касался куда больше идеологически-политических и организационно-административных вопросов — с подобострастной олядкой на указующий перст ЦК партии, чем вопросов, непосредственно связанных с творчеством композитора и исполнителя.

Конечно, и он не упустил случая рассказать об отрицательном влиянии на людей искусства культа личности Сталина. Но он ни словом не обмолвился о личной ответственности человека искусства за все содеянное во времена Сталина и совершаемое сегодня, во времена Хрущева. А уж он-то не может не знать, что именно такие были все чаще будоражат совесть и память подлинных людей искусства.

Какова была суть моего творче-

*

Михаил Балмашев

ства в сталинские времена? Что думал, что говорил, как поступал? И вот это раздумье, этот голос совести, вопреки казенной праздности съездов и собраний, все чаще прорывается наружу.

Признание Сергея Образцова на страницах третьего номера «Театра» за этот год порождает глубокие размышления.

Журнал «Театр», памятуя почин Максима Горького — «День мира — 27 сентября 1935 года», задумал показать один день театра мира 27 октября 1961 года и обратился с просьбой ко многим деятелям театра — рассказать, что они делали в этот день.

Раздумья Сергея Образцова в связи с этим днем заслуживают того, чтобы привести большую выдержку из его статьи:

«...И опять рядом с газетными строчками быстро, иногда обгоняя напечатанные фразы, бегут мысли. Сложные, перескакивающие.

Сталин виновен. Читать об этом страшно, думать трудно.

Ведь читаю я не о том, что произошло сотни лет назад, а о том, что произошло совсем недавно и не в других странах, а у нас. Виновные в муках, горе и смерти сотен благородных и ны в чем не повинных людей, — это не просто хорошо известные мне фамилии или должности. Нет, это конкретные люди. Я встречался с ними, здоровался, разговаривал...»

Тут нельзя не прервать цитату и не поставить горького знака вопроса. Почему за сотнями хорошо знакомых людей не вспомнил Сергей Владимирович о сотнях тысяч и миллионах замученных, расстрелянных, погибших?

«...Где же я, — продолжает Сергей Образцов, — был в годы, когда совершались те преступления, о которых говорят делегаты съезда? За границей? Нет. Здесь, в Советском Союзе. В Москве. Кем же я был? Слепым? Глухим? Или, может быть, ничто для меня не ново? Все давно я знал раньше Шелестина и сейчас могу сказать только «накопец-то!»? Но тогда почему же с таким волнением я читаю об этом?

Никто не задает мне таких вопросов, но сам себе я не могу не задавать их. А отвечать на них нелегко, потому что разговор с собой — это диалог с анкетой. Да. Нет. Был. Не был.

Я не имею права сказать, что я не верил Сталину и не любил его. Любил и верил.

Я уважал Врублева и бывал у него в гостях, но когда его арестовали, я решил, что, вероятно, плохо его знаю и он виноват.

Среди моих знакомых, друзей и даже родных были арестованные, посаженные, выслаженные, но я старался сам себе объяснять их арест ошибкой. Были периоды, когда хлопнувшая ночью дверь лифта или звонок в парадное пугали. Не за мной ли? Я не был ни в чем виноват, но если арестовано столько людей, которых я знаю, почему это не может произойти и со мной?

В таких случаях говорят: это был страшный сон. Нет, к сожалению, не сон.

Сталин виновен. Виновен в том, что противопоставил себя всем. Виновен в смерти и горе тысяч людей. Виновен в том, что слышал только то, что хотел слышать, и видел только то, что хотел

видеть. Виновен в том, что перестал быть ленинцем. И виновны те, кто, используя культ Сталина, сами стали такими же, как он.

А л л виноват? Я никого не арестовывал. Я никого не предал и не оговорил. Я только верил. И все-таки, значит, и я виноват. Как мог я поверить в преступность чистых, честных, прекрасных людей, которых я знал в течение многих лет, — Мейерхольда, Бабеля, Михаила Кольцова?

Как замечательно и как прекрасно, что все стало на свои места, что можно свободно дышать и говорить. Что восстановлена честь погибших, что возвращена свобода тем, кто был в тюрьме, что сейчас я не могу ни среди близких, ни среди дальних знакомых назвать ни одного, кто был бы арестован, и что съезд сделал все, чтобы никогда не могло повториться то, что получило название «культ личности». Без этого не могла бы родиться новая Программа партии...

Признание своей виновности — порыв, достойный настоящего человека и художника.

В чем же суть этой виновности? Ответ слышен довольно ясный: в слепом доверии к совершенному, в соглашательстве со своей совестью, в отказе от выполнения элементарного человеческого долга. В вольном или невольном соучастии.

Ну, а сегодня? Где гарантия действенности оптимистических заверений Сергея Владимировича?

И не становимся ли мы опять по привычке в позу официальной восторженности, а на свою совесть снова набрасываем непроницаемую повязку?

Вспомним похороны зверски убитой жены Мейерхольда — Зинаиды Райх. Причины убийства так и потонули во мраке тех лет; Всеволода Эмильевича в это время пытали и истязали в подвалах НКВД.

И никто из его друзей не поднял голоса в его защиту, никто, кроме Екатерины Васильевны Гельцер, не рискнул отдать последний долг, хотя бы ради него, его погибшей жене. За гробом Зинаиды Райх из всего театрального мира шла одна Екатерина Васильевна.

Теперь эту кроличью трусость пытаются оправдать культом личности. Ну а чем же оправдать то, что в дни смерти Бориса Пастернака столько людей искусства запрятались в щели своего мещанского благополучия, сказавшись больными, поживаясь, вобрав толовы в плечи и подняло воротники?

И только смелые духом отдали последний свой долг затравленному властью большому поэту и человеку.

Казалось бы, вот в эти дни и должно бы свершиться то, во что хочется заставить поверить себя и других С. Образцов:

«Как замечательно и как прекрасно, что все стало на свои места, что можно свободно дышать и говорить».

Не повторяются ли опять пилатские умные руки, трусливая пассивность в отношении верного друга и помощника Бориса Леонидовича — Ольги Ивinskой, осужденной вместе с дочерью на заключение в лагерь?

Куда запрятали опять свою совесть люди искусства и литературы в отношении своего собрата Михаила Нариды, брошенного в тюрьму

за свободное слово писателя и человека?

И вот еще — внешне совсем незначительный случай, но достаточно раскрывающий всю призрачность образцовского оптимизма.

На недавнем съезде композиторов не нашлось ни одного человека, который вступился бы за опального композитора Держвинского. А вина-то состояла лишь в том, что его новая опера «Судьба человека» в Большом театре потеряла полное фиаско — и, главным образом, не по вине композитора, а по вине Шолохова, написавшего человеконенавистнический, кощунственный развал, из которого и возникло аляповатое либретто оперы.

Вот тут-то и уместно задать вопрос Сергею Владимировичу: не является ли провозглашенная им оптимистическая оценка нашего сегодня лишь плодом его воображения для самоутешения и самооправдания не только в совершенном, но и в совершаемом?

Одного признания своей виновности недостаточно. Следующий шаг — критерием совести оценить дела и поступки, совершаемые сегодня.

Один из смелых режиссеров, с твердым почерком художника и своим определенным лицом, — Григорий Товстоногов требует в первую очередь правды в искусстве.

«Современность — есть высшее проявление правды жизни в искусстве...» — пишет он на страницах второго номера «Театра» за этот год.

Но Товстоногов не только ищет правды в сценическом образе, порожденном его режиссерским видением, — он не боится сражаться за эту правду и в самой жизни.

Это он отстоял и защитил затравленного казенной критикой молодого талантливого драматурга А. Володина. Это он не сдался под натиском партийных кликуш, требующих подвергнуть остракизму володинские «Пять вечеров». Они до сегодняшнего дня в репертуаре ленинградского Большого драматического театра и билеты на спектакль «Пять вечеров» достать трудно — так они расхватываются зрителями...

В зрительном зале то напряженная тишина, то радостное оживление, то смех, то мельканье носовых платков — и так все время, до финального движения занавеса, — осторожно признается критик К. Березин в «Советской культуре» от 3 апреля.

Показ на гастролях в Москве пьес Володина, подвергнутых долгой и упорной травле с высот «партийности в искусстве», — это не только стойкость творческой убежденности Товстоногова, но и заявка на независимость от партийного диктата — вершителя судеб искусства в нашей стране.

В новой пьесе Михаила Зарудного «Антей», поставленной в театре Юрия Завадского, происходит такой разговор между изгнанным из партии «честным коммунистом» Назаром, овеянным славой мученика, и партийным карьеристом Скарбуном:

(Назар: — Отправляйте меня. Но знайте, не будет вам покоя, если даже сумеете отправить меня за семью тысячами.)

Скарбун: — Угрожаете? Кому вы угрожаете, оппортунист? Райкому, партии?

(Окончание см. на 12-ой стр.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОСЕВ

Poseev-Verlag, Frankfurt/Main, Mainstraße 24 a
 Telefon: Sammelnummer — 4 66 41
 Telegramm-Adresse: Poseevverlag, Frankfurt/M.
 Postcheckkonto: Frankfurt/M. 33461, Bankkonto:
 Neussche Sparkasse, Frankfurt/M. Nr. 11504.
 Почтовый адрес: 6 Frankfurt/M. 1, Postfach 2766.

Издаёт еженедельник «Посев», журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. «График» и художественную и общественно-политическую литературу.

При издательстве — книжный магазин. Прокат и каталоги высылаются бесплатно.

АВСТРАЛИЯ

«Poseev»
 Post Office, Cerrum, Victoria.
 Mr. A. Veremaff,
 8 Abingdon St., W-Gebbs,
 Brisbane, Qld.

АВСТРИЯ

Wien, Postamt 76. Postfach 40.

АНГИИ

V. V. Baratchevsky,
 23, Alder Grove, London N. W. 2.

АРГЕНТИНА

N. Monot, Casilla de correo 2585.
 Buenos Aires.

БЕЛГИЯ

E. Drevinsky, B. P. 26, Bruxelles.

БРАЗИЛИЯ

I. Alexandrov, Av. Landulpho, 646,
 Indenopolis, Sao Paulo.

ВЕНЕСУЭЛА

N. Drozdovsky, Apartado correo 4665.
 Caracas-Est.

ГОЛЛАНДИЯ

A. Kandersow, Postbus 325. Rotterdam.

ГРЕЦИЯ

Firma Anna Mazarakis & Co.
 Athina, Patission 8.
 Salonique, Angelokopoulou-Zakharopoulos.
 Nes Moglou Alexandrou 41.

ДАНИЯ

D. Schwelch, Harthavej 2. B. København-Charl.

ИЗРАИЛЬ

M. Kabiri, 5, Giveth-Koach str.
 Kirish-Shalom, Tel-Aviv.

ИСПАНИЯ

Don Miguel Juraninaky-KoicMn,
 Pedillal, 55. Madrid.

ИТАЛИЯ

A. Konovata, Casella Postale 428.
 Roma, Centro.

КАНАДА

A. Romar, 1420, Bernard str. Outramont
 Montreal.

МАЛАЙЯ

M. Telrow, 34, Stevens Road, Singapore.

МАРОККО

Mr. T. Moudrow, Cité de Boumazel. Imm. 14.
 App't 11A, Casablanca.

НОРВЕГИЯ

Fedor Terekenow, Kruusegt. 5. B. Oslo.

США

Mr. A. P. Studentzoff, 340 Liberty ave.
 Brooklyn 7, N. Y.
 Mr. A. Tarkavich, 2314 - 25th. Avenue,
 San Francisco, 18, California.
 Tel. SE 1 - 0330.
 A. Selsky, 5527-41 Ave., Kenosha, Wis.
 B. M. Burkovsky, 1327 W. Merino st.
 West Covina, Calif.

ТУРЦИЯ

Mr. Nadir Bak, Aye Andreyo Binael
 Munn ene caddeesi No. 109
 Galata-Istanbul.

ФРАНЦИЯ

«Le Semle», Société d'Édition,
 125, rue du Théâtre, Paris 15 e.
 N. Altoff c/o M-me Borge, 8, Place de la
 Croix-Rouge, Lyon (Rhône).
 A. K. Lavroff, rue de la Moselle,
 Niveange (Moselle).

ЧИЛИ

Sr. Iko Tanuni, Güemes 88. Santiago.

ШВЕЙЦАРИЯ

Leo Grossen, Postfach, Locarno.

ШВЕЦИЯ

Tidningsförlag «Poseev», Box 4054.
 Södertälje 4.

ЯПОНИЯ

Mr. A. Bakulevsky, 437 - Ivel - cho,
 Hodogetsu-ku, Yokohama.

Einzelpreise — DM 0.60

Цена еженедельника «Посев» с 1.1.62 г. в розничной продаже: Германия — 0,80 п.м.; Австралия — 1 шилл. 10 пенсов; Австрия — 4,50 шилл.; Англия — 1 шилл. 5 пенсов; Аргентина — 8 песо; Бельгия — 0,50 фр.; Бразилия — 25 крузейро; Венесуэла — 0,80 боливар; Голландия — 0,70 гульдена; Греция — 5 драхм; Дания — 1,40 кроны; Израиль — 0,25 фунта; Иран — 8 риалов; Испания — 8 песо; Италия — 100 лир; Канада — 30 центов; Марокко — 80 франков; Норвегия — 1,3 кроны; США — 30 центов; Турция — 1 лира; Франция — 0,80 н. франка; Чили — 150 песо; Швейцария — 0,05 франка; Швеция — 1 крона.

Вне действует для объявлений в Германии тариф № 2: страница — 1 000 нм.; 3/4 — 725 нм.; 1/2 — 580 нм.; 1/4 — 300 нм.; 1/8 — 180 нм. Условия подписки на еженедельник «Посев» и журнал «График» в Германии:

Цены указаны в немецких марках.
 «Посев»: на 3 месяца — 0,10, на полгода — 0,20, на год — 0,40.
 «График»: Отдельный экземпляр — 0,60, годовая подписка — 30,00.

ИНОСТРАННЫЙ МИР И МЫ

Перед новым обострением?

*

ЕЩЕ О СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ «КОНТАКТАХ»

и суверенитета ГДР, обсуждаются в то время, когда Германская Демократическая Республика уже сейчас, как это признал госсекретарь США Раск, контролирует 95 процентов всех перевозок, идущих через ее территорию в Западный Берлин.

А ведь вопрос о доступе в Западный Берлин совершенно ясен... Он возможен, но только по договоренности с ГДР, как суверенным хозяином всех путей сообщения и воздушных трасс на своей территории. Без этого решение вопроса о доступе исключено.

Как будто яснее не окажется!

По третьему пункту: «В печати западных держав выносятся всякого рода формулировки, которые позволили бы заниматься и в будущем жонглированием словами в совершенно ясном вопросе о самостоятельности Западного Берлина и его независимости от ФРГ».

И это совершенно ясно и вполне в духе, употребим выражение Раска, «лучшей атмосферы».

Выступая в Афинах, Раск заявил также, что на руководство КПСС произвели впечатление военные приготовления и единство Западного Берлина в берлинском вопросе.

Вот что по этому поводу пишет «Правда»: «В западных странах нет-нет да и появляются заявления, в которых либо открыто, либо в завуалированной форме сквозит угроза по адресу Советского Союза и других социалистических стран... Независимо от того, в какой связи делаются подобные заявления, те, кто выступают с ними, должны отдавать себе отчет, что на Советский Союз, как и на весь социалистический лагерь, это не производит впечатления».

«Обозреватель» здесь напрасно бахвалится: вот уже третий год, как Хрущев выдвинул свой берлинский ультиматум, а воз и ныне там и даже сроки ультиматума как будто отодвинуты в неопределенное будущее. Значит, впечатление все-таки у него осталось: будь иначе, уже давно закончили бы свое существование «остров свободы».

Но сама статья в «Правде», необычайно резкая по форме и предельно неприимчивая по содержанию, заставляет задуматься. Какие причины вызвали ее появление?

За два дня до помещения статьи в «Правду» на первомайском параде в Москве выступил с речью маршал Малиновский. Он считал нужным в числе прочего заявить и следующее: «Советский Союз настойчиво борется за заключение германского мирного договора и решение вопроса о Западном Берлине... Однако прежде крути западных держав, и, прежде всего, Соединенных Штатов Америки, препятствуют осуществлению советских предложений... Сложившаяся в настоящее время международная обстановка повелевает советскому народу внимательно следить за происками поджигателей войны, делать все необходимое для дальнейшего укрепления могущества и обороноспособности страны».

Конечно, трудности в стране (провал сельского хозяйства, прыжки на партийных верхах, неверие подавляющего большинства народа в идею коммунизма, брожение среди молодежи и пр.) диктуют власти старый испытанный трюк: искать выхода во внешней агрессивности.

Конечно, распространяемая во всем нашем народе тага доблести прочного соглашения с США заставляет власть малевать американцев черной краской, изображать США привычной всех зло.

Но эти «объективные» причины существовали и раньше. Почему же руководству КПСС понадобилось именно сейчас застроить тон, когда затягивание переговоров сулит им несомненные выгоды?

Здесь нельзя не учесть соображений престижа.

В самом деле: перед глазами миллионов и миллионов обывателей всего земного шара развертывается страшная картина, которую можно свести примерно к такому диалогу:

Американцы: — Западный Берлин и не отдадим. Но переговоры о нем? И вольте. Хотите международное соглашение о доступе в Берлин? Хотите, мы и шумок опшем со счета ГДР?

Руководство КПСС: — Ничего я нам не надо, а вот убирайтесь из Берлина подобру да поздорому, а не мы подпишем мирный договор с ГДР вам же хуже будет.

Американцы: — Но все-таки, давай переговоры.

Руководство КПСС: — Что ж, будь переговоры, хотя какой из переступов толк? И смотрите, не очень-то затягивайте. «Все необходимые предостережения (здесь мы вновь цитируем статью из «Правды») ...были сделаны. И не к чему повторять. И пусть не бьют ни у кого иллюзий. СССР не выпрашивает ничего ни у кого. Советское правительство... против игры в переговоры».

Американцы (общественности своего мира): — Видите? Мы были правы. Переговоры еще ни к чему не привели, но они улучшают атмосферу.

Увы, воспроизведенный нами диалог отнюдь не шарж. Переговоры США-руководство КПСС протекают именно в таком духе и даже под микроскопом: отщипывая малейших признаков, чтобы руководство КПСС поступило своими домогательствами хотя бы на одну ноту. В результате в общественном сознании мира — и, прежде всего, нейтралистских странах — престиж США падает. Падает престиж США там, где он всего неприятнее и опаснее руководству КПСС: в порабощенных коммунизмом странах. Это, думается, не из причин, побуждавших руководство КПСС заострять тон.

Вторая причина логически коренится в самом факте переговоров, которые могут не расцениваться руководством КПСС как признак неуверенности американцев, если не в самих себе (до можно легко предположить, что советские мителли советского правительства в США составляют свои доклады так, чтобы им пришлось по душе их хозяевам и им у им тенденциозную, искаженную картину восторгов американцев), то в одном из их ближайших союзников — Великобритании. А раз так, то надо «нажать», надо повысить тон, заставить противника еще дальше потянуться назад.

При этом — как это часто случается диктаторскими режимами — руководство КПСС рискует не заметить той последней границы, за которую противник не отступает ни при каких обстоятельствах. Между тем, три «важнейших пункта» Раска и есть, судя по всему, эта последняя граница. Встает вопрос: долго будет руководство КПСС воздерживаться от посягательства на эту границу, учитывая, что в берлинском вопросе о свой престиж поставило на карту?

Общественность нашей страны должна воспринять статью в «Правде», как тревожный сигнал, и не успокаивать себя тем, что, дескать, «все останется по-прежнему» и угрозы руководства КПСС никакого особого вреда нашей стране и миру не принесут.

6 мая закончилась афинская сессия Совета НАТО. Если в одной области закончилась безрезультатно — несмотря на настоящие европейские партнерства, США не согласились на превращение НАТО в «четвертую атомную силу», — то в другой области она привела к определенным результатам. И эти результаты стоят в непосредственной связи с берлинским кризисом. Во-первых, американцы вновь подтвердили, что в будущем соглашение о Берлине должно включать в себя три «важнейших пункта», и что никакое соглашение не будет заключено в обход Германской Федеративной Республики. Во-вторых, в Афинах принят целый ряд решений военного характера: США станут вводить своих европейских партнеров в места расположения и силы своих атомных единиц в Европе и в случае необходимости поднимать их европейским союзникам; США предоставляют в распоряжение НАТО пять из шести своих подводных лодок типа «Полярис» и обязуются передать НАТО большинство из них.

адных лодок этого же типа (числом 4), еще находящиеся в постройке; США и Великобритания заверяют союзников, что они и впредь будут предоставлять в их распоряжение свои стратегические силы, если окажется, что сил НАТО недостаточно для выполнения поставленных задач; все державы — участницы НАТО будут консультироваться в проведении термоядерной оборонной политики; будут совместно разработаны уставы, определяющие, при каких условиях будет применено термоядерное оружие; соотношение между «классическим» и термоядерным видами вооружений будет постоянно пересматриваться. Соотнoшение держав в вооружении, особенно в разработке новых видов оружия, будет улучшено; европейские государства — участницы НАТО разовьют свои «классические» вооруженные силы, чтобы уменьшить численный перевес коммунистического блока; министры обороны обязались с еще большей энергией осуществлять общие проекты вооружения.

Кроме указанных военных решений, принято и одно важное постановление коммюнистическо-политического характера: Греция и Турция — фланговые и экономически слабые партнеры НАТО — получат крупную финансовую помощь. Точная ее сумма еще не установлена, но уже известно, например, что в июне Германия предоставит Греции 50 миллионов долларов.

О чем свидетельствуют все эти факты? Они подтверждают старое правило: всякое политическое отступление западных империалистов перед возможным агрессором оговаривается нарастающим их военной мощи.

Так, после Мюнхена англичане приняли за вооружение с удвоенной энергией.

Мюнхен был роковой ошибкой Запада: он соединял в себе и предательство коммунизма и попустительство агрессору. Но в Мюнхене же совершил свою роковую

ошибку и Гитлер: он вывел из поведения западных правительств, что демократии не будут воевать ни при каких условиях, и в этом убеждении его не могли поколебать никакие предостережения из Лондона и Парижа.

Если бы мы предположили, что в Берлине готовится новый Мюнхен, то такое предположение было бы равносильно предвидению военной катастрофы в самом ближайшем будущем потому, что за новым «Мюнхеном» неукоснительно последовал бы «Данциг» (хотя бы в виде ультимативного требования нейтрализации Германской Федеративной Республики).

До нового «Мюнхена» Запад, судя по всему, решил дело не доводить, но то, что сейчас делают США, уже достаточно, чтобы разогреть аппетиты Хрущева, что мы и видим и из речи маршала Малиновского, и из упомянутой статьи в «Правде», и из опубликованной 7 мая «Правдой» и «Известиями» беседы редакторов этих газет с Ульбрихтом, в которой последний выразил свою уверенность, что переговоры с американцами в конечном итоге приведут к стопроцентному контролю над доступом в Берлин со стороны «ГДР».

Девять десятых вины за создавшуюся обостренную и тревожащую обстановку лежат на руководстве КПСС: в конце концов коммунистическая диктатура и никто другой — источник международной напряженности; ведь конфликт «коммунизм-свободный мир».

Но если мы говорим, что Запад в Мюнхене помог Гитлеру развязать войну, то этим мы признаем и его долю ответственности за трагедию 1939-1945 гг. Точно так же и сейчас: повторствуя (хотя бы в известной мере) домогательствам Хрущева, США берут на себя тяжелую историческую ответственность. Не созидать этого было бы иллюзией. А за иллюзии распахиваются.

А. Н.

Антиправительственная демонстрация в Праге

Западногерманское агентство печати ДПА, со ссылкой на дипломатические источники в столице Австрии, сообщило 6 мая из Вены, что 1 мая около трехсот чехословацких студентов демонстрировало в Праге против коммунистического режима.

Это сообщение подтверждает и известный обозреватель лондонской газеты «Фейлс телеграф» Дэвид Флэйд, пользующийся репутацией серьезного журналиста. Д. Флэйд ссылается на сведения, полученные им непосредственно из Праги.

Демонстрации начались стихийно во время официальных первомайских торжеств у памятника чешскому поэту XIX века Карелу Маха, одному из борцов за чешское национальное возрождение.

В демонстрации, судя по поступившим сведениям, участвовали, наряду с беспризорными, и студенты-коммунисты. Некоторые из выдвинутых демонстра-

циями требований носили экономический характер. Так, демонстранты кричали: «У нас есть Гагарин и Титов, но нет мяса».

Как полагают, одним из поводов к возникновению демонстрации была недавняя расправа Новотного с заместителем председателя правительства и членом политбюро Карелом Баракком; последний в рядах более молодых партийцев пользовался репутацией «прогрессивного» коммуниста.

Демонстрация была рассеяна так называемой «рабочей милицией», вооруженной автоматами. Восемь (по другим сведениям шесть) демонстрантов были захвачены чинами «рабочей милиции».

Пражская демонстрация — первый случай крупного массового антиправительственного выступления в странах «народной демократии» после польских событий и Венгерской революции 1956 года.

Перед фестивалем в Хельсинки

От общ. корреспондента «Посева»

1 декабря 1961 года финляндское правительство разрешило проведение коммунистического фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки. Как известно, фестиваль этот будет проходить с 27 июля до 5 августа с. г.

Немедленно после официального разрешения начал свою работу «Международный подготовительный комитет», состоящий из 28 человек. В Комитет входят коммунистические и «патристические» деятели из разных стран мира: Жан Тюрин — Франция, Борис Копылов — СССР, Маргано — Индонезия, Б. А. Кварко — Гана, Хосе Везера Кавалланто — Бразилия, Доминго Джальберто — Аргентина, Рафаэль Гамос — Венесуэла, Виктор Кинешкий — Польша, Шун Нидзавза — Япония и другие. Кроме этого комитета работает финский национальный комитет по подготовке фестиваля.

В самом начале намечались грандиозные планы. Ожидалось, что на фестиваль придут 20.000 иностранных деле-

гатов, столько же финнов и 40.000 иностранных гостей-туристов. Поэтому фестиваль и различные фестивальные мероприятия должны были проводиться во множестве различных городов Финляндии.

Но все это лишь на бумаге. Уже при первых известиях о том, что в Хельсинки устраивается фестиваль, 70 финских молодежных организаций подписали официальный протест и отказались принимать участие в фестивале, что, конечно, вызвало злые нападки на них со стороны советской прессы и коммунистических газет Финляндии. Последние обвиняли эти организации в нарушении финско-советской дружбы. Вот как! А ведь фестиваль официально не советское и даже не коммунистическое начинание, а просто «международный фестиваль молодежи и студентов за мир и дружбу», участие в котором не обусловлено ни идеями, ни политическими взглядами и убеждениями.

Финские некоммунистические органи-

зации — противники фестиваля, не могут из-за трудного политического положения страны открыто противодействовать ему и избрали поэтому метод «пассивного сопротивления». Стараются всячески отказывать устроителям фестиваля в найме помещений и спортплощадок. А когда это, из-за сильного политического давления извне, сделать трудно, — уклоняются от ответов или запаздывают с ответами...

Устроителям фестиваля до сих пор не удалось снять Олимпийский стадион в Хельсинки для открытия и закрытия фестиваля. Под угрозой размещения участников фестиваля, так как владельцы отелей отказываются сдавать номера устроителям фестиваля. (До сих пор удалось снять лишь 40 номеров в Хельсинки). После неоднократных призывов «общественных деятелей» из СССР удалось забронировать 36 зданий школ для ночевки участников. Но и тут устроителям фестиваля предьявлено требование, что участники должны спать в кровати, а не на полу вполукругу. Ввиду этого в школах удалось разместить лишь 4.000 делегатов.

По последнему решению устроителей фестиваля, число иностранных делегатов снижено до 12.000. Они будут размещены так: 4.000 будут ночевать в школах, 4.000 — на советских пароходах в порту и 4.000 — в семьях местных коммунистов.

Один из советских пароходов привезет в Хельсинки делегацию из Кубы. Молодежные организации коммунистического Китая до сих пор не ответили на приглашение участвовать в фестивале и, по всей вероятности, свою делегацию в Хельсинки не пришлют.

Нужно еще отметить, что Подготовительный комитет по целому ряду причин, кроме отмеченных выше, очень плохо справляется со своими задачами и требует от Москвы увеличения штата вдвое. Бюджет комитета (по данным хорошо осведомленного источника — 172.000.000 финских марок, что равно 2.500.000 за-

падногерманских марок или 650.000 американских долларов) также оказался недостаточным, так как каждое начинание теперь требует двойных затрат из-за «пассивного сопротивления» финнов. Отметим, что вышеупомянутый бюджет — это не бюджет всего фестиваля, а лишь сумма, находящаяся в распоряжении комитета для подготовительной работы. Сколько денег потратит сам фестиваль и откуда эти средства возьмутся — это уже другой вопрос.

Приведем в заключение цитату из польской газеты «Трибуна люду», которая так определяет цель фестиваля:

«Надо отметить, что фестиваль не есть только песни и игры. В первую очередь это — политическое начинание, касавшееся всего мира. Молодежь из капиталистических и колониальных стран должна вернуться домой с сильной верой в непобедимую силу лагеря мира (читай: агрессивного коммунистического блока. — А. М.). Обязательно надо разоблачить врага в капиталистических странах, обязательно показать молодежи главного врага, научить молодых ненавидеть его и бороться против него».

По Орвеллу: мир — это война, дружба — это ненависть...

*

Мы считаем, что, независимо от целей, которые ставят перед собой коммунисты, устраивая фестиваль, и независимо от того, что целый ряд молодежных организаций Запада по тем или иным причинам отказались от участия в фестивале, — свободолобные организации Финляндии и Запада не должны оставаться в стороне от фестиваля. Нужно постараться наладить с советской молодежью и с молодежью из других коммунистических стран, которая прибывает на фестиваль, дружественный контакт с тем, чтобы эта молодежь повезла на родину знание демократии, свободного правопорядка, идеи свободы и справедливости.

А. МИЛОВАНОВ

Скандинавия

ПОПЫТКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ВЕНЕСУЭЛЕ

В Венесуэле потерпела неудачу попытка коммунистов захватить власть путем военного переворота. 4 мая на рассвете капитан флота Молина поднял проклятый мятеж в находившемся под его командованием в г. Карупано частях морских стрелков. К Молина примкнуло около 450 солдат и около ста прапорщических лиц. Восставшие назвали себя «демократической армией» и потребовали отставки президента республики Бетанкура.

Целью мятежа было установление в стране коммунистической диктатуры. Мятежники, очевидно, рассчитывали на то, что к ним станут присоединяться и войска и население. Однако — и в этом

важнейшее политическое значение правительственной победы — и армия и население всецело поддержали демократическое правительство Бетанкура. Уже вечером в субботу 5 мая выяснилось, что мятеж не имеет никаких шансов на успех. Капитан Молина и его сообщники капитулировали. Часть мятежников пыталась спастись бегством на небольших судах на близлежащий британский остров Тринидад.

В Венесуэле в последнее время сильно оживилась деятельность коммунистов; неудача мятежа в Карупано может оказаться переломным моментом в борьбе с коммунизмом в Венесуэле. В этом смысле высказался и президент Бетанкур.

Ульбрихтовский концлагерь

13 августа 1961 года коммунистические власти «ГДР» воздвигли «стену позора» между восточной и западной частями Берлина. Сегодня стена — место, к которому обращены взоры всего мира, место, где обильно льются речи и икроны. Речи знатных посетителей Берлина с западной стороны, с восточной — «кровь жителей «ГДР», идущих на все, чтобы преодолеть стену, вырваться на свободу.

Между тем, с того дня 1945 года, когда союзники, уступив советскому руководству Тюрингию, провели демаркационную линию между западными и советской зоной, коммунистическая власть начала превращать эту линию в границу. Промежуток «смягченного контроля» в Берлине коммунисты терпели до тех пор, пока в целях пропагандно-политических считали возможным его терпеть. Теперь там стена, про которую так много говорится и пишется. Но стена и сегодня — наиболее проходное место. Через стену с риском для жизни, но бегут, через границу бежать почти невозможно. О границе говорят мало. Между тем, она — реальность и изучение ее представляет интерес еще и потому, что построена она по советскому образцу. Имеет место лишь незначительные нюансы — в зависимости от местности и необходимости.

Ниско мы приводим данные, полученные агентством «Верполиттиле информаций» от младших лейтенантов «Народной армии ГДР», перешедших на Запад. Лейтенанты служили в «пограничной команде», которая возводила заграждения.

Система заграждений. В пятикилометровой приграничной полосе существуют или частично еще строятся следующие заграждения.

Непосредственно вдоль самой границы — забор высотой 1,10 метра. Он состоит из бетонных или деревянных столбов, находящихся друг от друга на расстоянии 3,5 метра, между которыми натянута 5 линий колючей проволоки: 3 горизонтально, 2 накрест.

За первым забором находится вспаханная полоса шириной в 10 метров (называется она «К-10» — «Контрольная полоса 10»), на которой запрещено что-либо сажать. Дома, деревья, кусты и трава с этой полосы удалены. Полоса тщательно просматривается офицерскими патрулями.

В 25-30 метрах от «К-10» начинается минное заграждение шириной около 25 метров. С двух сторон минного заграждения поставлены проволоочные заграждения высотой в 1,80 метра. Колючая

Druck: Posev-Verlag, V. Gorodick KG., Frankfurt am Main